ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

1805–1905

Joachim Zweynert

EINE GESCHICHTE DES ÖKONOMISCHEN DENKENS IN RUßLAND

1805–1905

Metropolis Verlag
Marburg 2002

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Йоахим Цвайнерт

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

1805–1905

Перевод с немецкого
под научной редакцией В.С. Автономова

Второе издание

Издательский дом ГУ ВШЭ
Москва 2008

УДК 330.8(470+571)
ББК 65.02(2Рос)
Ц25

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Перевод с немецкого *Л.И. Цедилина*

Перевод изд.: Zweinert J. Eine Geschichte des Ökonomischen Denkens
In Rußland. 1805—1905. Marburg: Metropolis Verlag, 2002

The publication of this work was supported by a grant from the Goethe-Institut

Издание этого произведения было поддержано грантом Гёте-Институт
(Немецкий культурный центр им. Гёте)

ISBN 3-89518-395-4
ISBN 978-5-7598-0584-7

© Metropolis Verlag, 2002
© Цедилин Л.И., перевод
на русский язык, 2007
© Оформление. Издательский дом
ГУ ВШЭ, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русская экономическая мысль — заинтересованный взгляд
со стороны (В.С. Автономов) 11

Предисловие к русскому изданию 15

Предисловие 17

Список сокращений
часто цитируемых источников справочной литературы 18

Глава 1. Введение

1.1. Постановка вопроса и метод 19
1.2. Состояние исследований 26
1.2.1. Труды советских авторов 26
1.2.2. Работы российских авторов постсоветского периода 29
1.2.3. Зарубежные исследования 29
1.3. Духовно-культурный исторический фон 31
1.3.1. Духовное наследие русского православия 31
1.3.2. Зарождение схоластического мышления и раскол 34
1.3.3. Реформы Петра I и влияние западноевропейского
Просвещения 37

Глава 2. Экономическая мысль в России периода 1805—1825 гг.

2.1. Исторический фон 40
2.1.1. Правление Александра I 40
2.1.2. Восстание декабристов 42
2.1.3. Российская образовательная политика
первой четверти XIX века 43
2.1.4. Экономико-исторический контекст 44
2.2. Восприятие классического экономического учения в России 47
2.2.1. С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков —
первые русские ученики Адама Смита 48
2.2.2. Экскурс: Вольное экономическое общество 49
2.2.3. Распространение западной экономической литературы
и восприятие «Богатства народов» 50
2.3. Христиан фон Шлёцер — первый академический
ученый-экономист России 53
2.3.1. «Начальные основания государственного хозяйства» —
создание и структура 54
2.3.2. Методологические и теоретические основы 56

2.3.3. Учение Шлёцера о «личном капитале» 58
2.3.4. Экономико-политическая часть «Начальных оснований» 60
2.3.5. Резюме 63
2.3.6. Оценка «Начальных оснований» в трудах российских и советских историков науки 64
2.4. Генрих фон Шторх и его «Курс политической экономии» 65
2.4.1. Жизненный путь 66
2.4.2. Классическое учение по Шторху 69
2.4.3. Теория внутренних благ 73
2.4.4. Оценка Шторха в литературе по истории учений 81
2.5. Экскурс: существовала ли «немецко-русская школа»? 82
2.5.1. Тезис Рошера о «немецко-русской школе» 83
2.5.2. Прежняя дискуссия по поводу тезиса Рошера 85
Критика Серафима 85
Вклад Нормано в дискуссию 86
Другие участники дискуссии 87
2.5.3. Попытка новой оценки 89
Шлёцер и Шторх: классические политэкономы или зачинатели исторической школы? 90
Возможное российское влияние на Шлёцера и Шторха 93
2.5.4. Итог: немецко-русская версия классического учения? 95
2.6. Граф Николай Семенович Мордвинов 96
2.6.1. Жизненный путь 97
2.6.2. Экономические сочинения Мордвинова и основы его мировоззрения 98
2.6.3. Программа внутриэкономического развития 101
2.6.4. Взгляды Мордвинова по вопросам внешней торговли 103
2.6.5. Резюме 106
2.6.6. Мордвинов в российской и советской литературе 107
2.7. Декабристы 108
2.7.1. Из истории движения 108
2.7.2. Идеалистический либерализм Н.И. Тургенева 110
Подход Тургенева к экономической науке 111
«Опыт теории налогов» 113
2.7.3. П.И. Пестель и его рационалистическая интерпретация классического учения 116
Советская фальсификация истории 116
«Русская правда» Пестеля 118

Г л а в а 3. Экономическая мысль в России периода 1825—1861 гг.

3.1. Исторический фон 122
3.1.1. Правление Николая I 122
3.1.2. Образовательная политика: православие, самодержавие, народность 125
3.1.3. Формирование интеллигенции 126
3.1.4. Вступление на престол Александра II 129
3.1.5. Экскурс: Русская сельская община 129

3.2. Тенденции развития академической экономической науки 130
3.2.1. Смена авторитетов в экономической науке:
Сэй вместо Смита 131
3.2.2. Восприятие учений Рикардо и Мальтуса 132
3.2.3. Преподавание политической экономии в 1830-е гг. 133
3.2.4. Русская версия классического экономического учения
и политическая ситуация в России 134
3.3. Александр Бутовский и его «Опыт о народном богатстве» 135
3.3.1. Структура и характеристика «Опыта» 136
3.3.2. Методология и основные теоретические положения 137
3.3.3. Учение о невещественных благах 139
3.3.4. «Опыт» как центральное произведение
русской классической политической экономии 142
3.3.5. Восприятие «Опыта» и его оценка
в исторической литературе 142
3.4. Иван Яковлевич Горлов и его
«Начала политической экономии» 143
3.4.1. Методология и основные теоретические положения 144
3.4.2. Позиция Горлова в полемике славянофилов
и западников 145
3.4.3. Место Горлова в истории российской
экономической мысли 148
3.5. Иван Васильевич Вернадский и «западнический» либерализм ... 148
3.5.1. Жизненный путь 148
3.5.2. Методологическая позиция Вернадского
и его экономико-политические воззрения 150
3.5.3. Комментарии Вернадского
к «Курсу политической экономии» Шторха 153
3.6. Иван Кондратьевич Бабст — первый русский экономист
исторического направления 156
3.6.1. Жизненный путь 156
3.6.2. «Изложение начал народного хозяйства» Бабста 158
3.6.3. Бабст и Маркс 161
3.6.4. Значение Бабста для российской экономической мысли 161
3.7. Романтическое экономическое учение графа
Георга Канкрина 162
3.8. Славянофилы 167
3.8.1. Основы мировоззрения славянофильства,
заложенные И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым 170
3.8.2. Учение об общине 173
«Открытие» Гагстгаузеном русской сельской общины 174
Письмо Хомякова о значении общины 177
3.8.3. Социально-экономические учения второго поколения
славянофилов 178
Дискуссия по поводу общины между славянофилами
и либеральными западниками 178
Второе поколение славянофилов: ретрограды-романтики
или сторонники капитализма? 182

3.8.4. Наследие славянофилов 184
3.9. Александр Иванович Герцен и «русский социализм» 185
3.9.1. Жизненный путь 185
3.9.2. Философские и идеологические основы мировоззрения Герцена 186
3.9.3. Концепция крестьянского социализма Герцена 188
3.9.4. Влияние Герцена на русскую интеллигенцию 190
3.10. Нигилизм и политическая экономия: Николай Гаврилович Чернышевский 190
3.10.1. Жизненный путь 191
3.10.2. Подход Чернышевского к науке 192
3.10.3. Экономический труд Чернышевского и его основные положения 193
3.10.4. Критика Чернышевским господствующих экономических учений 196
3.10.5. Теория ценности 198
3.10.6. Теория распределения 200
3.10.7. Теория развития 203
3.10.8. Резюме 206

Г л а в а 4. Экономическая мысль в России периода 1861—1890 гг.

4.1. Исторический фон 208
4.1.1. Правление Александра II 208
4.1.2. Правление Александра III 211
4.1.3. Образовательная политика 212
4.1.4. Экономико-исторический контекст 213
4.1.5. Духовно-исторический контекст: «полупозитивизм» Лаврова и Михайловского 215
Пётр Лаврович Лавров и его учение о «критически мыслящих личностях» 216
Николай Константинович Михайловский и его «формула прогресса» 218
4.2. Восприятие западных влияний 221
4.2.1. Влияние Джона Стюарта Милля и немецких исторических школ 222
4.2.2. Перевод и восприятие «Капитала» Маркса в России 224
Российская дискуссия по поводу «Капитала» 225
Карл Маркс и русские народники 228
4.3. Александр Иванович Чупров и московская «народническая» школа 231
4.3.1. Жизненный путь 231
4.3.2. Взгляды Чупрова на экономическую науку 235
4.3.3. Основные положения экономического учения 236
4.3.4. Резюме 238
4.4. Между историзмом и либерализмом: Николай Христианович Бунге 240
4.4.1. Жизненный путь 241

4.4.2. Основные положения экономического учения 244
Первый период творчества: 1852—1860 гг. 245
Второй период творчества: 1868—1895 гг. 247
4.4.3. Резюме 250
4.5. Дмитрий Иванович Пихно 252
4.5.1. Жизненный путь 252
4.5.2. Основные положения экономического учения 253
4.5.3. Резюме 256
4.6. Экскурс: Существовала ли киевская школа? 256
4.7. Русский представитель «младшей» исторической школы
Иван Иванович Янжул 261
4.7.1. Жизненный путь 261
4.7.2. Основные положения экономического учения 263
4.7.3. Резюме 265
4.8. Первый русский ученик Карла Маркса:
Николай Иванович Зибер 266
4.8.1. Жизненный путь 266
4.8.2. Методологические основы интерпретации
Маркса Зибером 269
4.8.3. Теория ценности 271
Критика Зибером нетрудовых теорий ценности 272
Изложение Зибером теории ценности Маркса 273
4.8.4. Теория развития 275
4.8.5. Место Зибера в истории российской
экономической мысли 276

Г л а в а 5. Экономическая мысль в России периода 1890—1905 гг.

5.1. Исторический фон 278
5.1.1. Правление Николая II 279
5.1.2. Сергей Юльевич Витте и российская индустриализация . . . 280
5.1.3. Политические движения 282
5.1.4. Образовательная политика 283
5.1.5. Конец автократии 284
5.1.6. Духовно-исторический фон 285
5.2. Витте и его интерпретация Листа 287
5.3. Народники начала 1890-х гг. 289
5.3.1. Николай Францевич Даниельсон 290
5.3.2. Василий Павлович Воронцов 294
5.3.3. Резюме 297
5.4. Петр Бернгардович Струве — основоположник
легального марксизма 297
5.4.1. Понятие легального марксизма 298
5.4.2. Личность Струве и его жизненный путь 300
5.4.3. Философские основы экономического мышления
Струве 305
5.4.4. «Критические заметки» Струве 308
5.4.5. Ортодоксия и ревизионизм 314

5.4.6. «К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии» ... 316
5.4.7. «Хозяйство и цена» ... 320
5.4.8. Резюме ... 322
5.5. Между сущим и должным: Михаил Иванович Туган-Барановский ... 322
5.5.1. Жизненный путь ... 324
5.5.2. Философские основы экономических воззрений Туган-Барановского ... 328
5.5.3. Методологический фундамент «Основ политической экономии» ... 330
5.5.4. Теория ценности ... 332
5.5.5. Социальная теория распределения ... 337
5.5.6. Теория рынков ... 340
5.5.7. Теория кризисов ... 343
5.6. Сергей Николаевич Булгаков и его путь с Запада на Восток ... 347
5.6.1. Жизненный путь ... 347
5.6.2. Философские и мировоззренческие основы экономических взглядов Булгакова ... 350
5.6.3. Христианское экономическое учение Булгакова ... 352
5.6.4. Булгаков и современные поиски «российской экономической доктрины» ... 354

Вместо заключения. История российской экономической мысли и проблема трансформации ... 356

Список использованной литературы ... 373

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ — ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЙ ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

В последние годы было опубликовано несколько монографий западных исследователей по истории российской экономической мысли и ее взаимоотношениям с мыслью западной. Помимо представляемой читателю монографии это книги самого Й. Цвайнерта, его коллег из Гамбургского университета, а также профессора Винсента Барнетта[1].

Характерные черты западного и, в частности, «гамбургского» подхода к истории мысли — это тщательная работа с первоисточниками, вкус к которой в значительной мере потерян в нашем скором на широкие обобщения и не склонном к упорному труду отечестве. Знакомство с этими публикациями побуждает еще раз переосмыслить почтенного возраста вопрос об оригинальности русской экономической мысли и степени западного влияния на нее.

Россия — страна с непредсказуемой историей не только политического, но и духовного развития. Если говорить о советском периоде, то власти по-хозяйски распоряжались ею, чтобы подкрепить свои идеологические амбиции. Вначале история экономической мысли вообще и в России в частности считалась историей вызревания марксизма и его последующей вульгаризации, а затем, после перехода от революционной к великодержавной идеологии, она была «переподчинена» цели прославления русских мыслителей путем приписывания им «всемирно-исторического» значения (термин, излюбленный и в нацистской Германии, и в сталинской России). Так, несомненная самобытность русских мыслителей на фоне догоняющего развития российской экономической науки относительно европейской превращалась в трудах официозных советских историков в некоторый комплекс превосходства. Экономических пророков в нашем отечестве, если верить им, всегда было в изобилии. Здесь советские историки особенно далеко отошли от марксиз-

[1] См.: Janssen H. Rusische Ökonomen in Deutschland (1910—1933). Marburg, 2004; Zweynert J., Riniker D. Werner Sombart in Russland. Marburg, 2004; Deutsche und russische Ökonomen im Dialog / von H. Rieter, L.D. Širokorad, J. Zweynert (Hrsg.). Marburg, 2005; Barnett V. The Revolutionary Russian Economy, 1890—1940: Ideas, Debates and Alternatives. L.; N.Y., 2004; Barnett V. A History of Russian Economic Thought. L.; N.Y., 2005.

ма: экономики как самостоятельной подсистемы общества фактически не было, а великих экономистов — хоть отбавляй.

Бесспорной особенностью русской экономической мысли была ее повышенная озабоченность моральными проблемами, в то время как в западных странах экономическая наука еще со времен Смита выделилась из «моральной философии». Никому не придет в голову упрекать русских экономистов, как и русских писателей, за то, что их волновала несправедливость общественного устройства, когда значительная часть членов общества была лишена личной свободы и все без исключения не имели свободы слова, печати и т.д. Но именно этическое содержание, благодаря которому русская литература была «святой» (по выражению Томаса Манна) и почитаемой, делало русскую экономическую мысль непрофессиональной. Нельзя претендовать на все сразу: гениальный писатель вряд ли будет гениальным ученым, поскольку создание живых человеческих образов и научная абстракция — вещи противоположные; гениальные идеологи и политики тоже не бывают гениальными учеными именно потому, что объективный системный подход препятствует той узости и сконцентрированности, которая придает силу идеологии и политике (даже прогрессивной и либеральной). Более того (и эта мысль последовательно проводится в книге Й. Цвайнерта), направленный против самодержавия, крепостничества и цензуры «панморализм левой интеллигенции» оказывал пагубное воздействие на развитие «объективной» экономической мысли, основанной на профессиональной экономической теории. Пограничным рубежом между западноевропейским и российским духовным развитием, как отмечает автор, было укоренившееся на Западе кантианское разделение науки и религии, сущего и должного, с одной стороны, и холистический идеал русской православной церкви — с другой. Видимо, не случайно становление российской профессиональной экономической науки в 1890-е гг. связано с распространением в России неокантианства. Причем, как отмечает Цвайнерт, если экономисты, ставшие на путь профессионального анализа, вдохновлялись Кантом — критическим философом, то экономисты, стремившиеся вернуть экономическую науку в некогда ее породившее лоно этики (а среди них был не только ставший в конце жизни православным священником Сергей Булгаков, но в какой-то мере и самый профессиональный из российских экономистов Михаил Туган-Барановский), опирались на Канта — автора категорического императива.

Применительно к России, как мне уже приходилось отмечать, особенно актуально проведенное Шумпетером деление на экономический анализ и экономическую мысль[2]. В России, где не сформировался в пол-

[2] Автономов В.С. История экономической мысли и экономического анализа: место России // Очерки истории российской экономической мысли / Л.И. Абалкин (ред.). М., 2003. С. 116—122.

ной мере предмет для экономического анализа, не мог получить широкое развитие и сам профессиональный анализ. Но предметов для экономической мысли, безусловно, хватало, начиная с существования крепостного права и развития (или «неразвития», в зависимости от позиции автора) капитализма в стране и кончая конкретными проблемами внешнеторговой политики, государственного бюджета и денежного обращения и т.д. Без всякого сомнения, экономическая теория или анализ могли быть привлечены (и иногда привлекались) для рассмотрения этих вопросов. Но важно то, что их можно было обсуждать в журналах и без обращения к экономическому анализу — для широкого читателя так получалось даже убедительнее. Не случайно истории развития экономической мысли в России были именно историями мысли — мнений, лозунгов по поводу экономической политики и главных вопросов общественной жизни. История мысли, как напоминает нам Шумпетер, не знает рангов и пространственно-временных сопоставлений. Был ли Бисмарк более продвинутым в области экономической политики, чем Кольбер, сказать невозможно. Столь же неразрешим вопрос о том, был ли Герцен как публицист талантливее, чем Бастиа. Другое дело — техника экономического анализа, для которой прогресс — понятие вполне ощутимое. Так, русская иконопись по изобразительной технике не выдерживала сравнения с современной ей ренессансной живописью Западной Европы. При этом в рамках узкого канона русским иконописцам удалось создать истинные шедевры: строгие рамки часто способствуют интенсивности высказывания — не отвлекает формальная свобода. Но утверждать, что русская иконопись выше западной живописи по *технике,* некорректно.

Академическая же составляющая — собственно экономический анализ и экономическое образование, — естественно, привлекала гораздо меньше внимания российских историков, поскольку в этих скучных для широкого читателя материях похвастаться русским экономистам долгое время (вплоть до 90-х гг. XIX в.) было нечем.

Однако в эпоху торжествующего государственного национализма Россия должна была стать средоточием наиболее выдающихся мыслителей всех областей знания. С этой целью публицисты, политики, излагавшие открыто свои взгляды по экономическим вопросам должны были превратиться в ведущих *теоретиков*. Тогда конспект прослушанных автором в зарубежном университете лекций торжественно объявляется последним словом экономической науки, а сама история русской экономической мысли (разумеется, прогрессивной) превращается во что-то вроде сборника житий святых.

Автор представляемой книги, рассказывая о российских экономистах, неизменно обращает внимание на то, насколько оригинальны и просто-напросто логичны и последовательны они были с точки зрения эко-

номического анализа. Картина бывает иногда малорадостной для отечественного читателя, привыкшего гордиться нашими достижениями. Иногда возникает желание возразить. Можно отметить, что непоследовательностей хватало и у западных экономистов, даже самых знаменитых. Можно поспорить и с тем, что Цвайнерт придает, на мой взгляд, чрезмерное значение методологическим заявлениям авторов: у экономистов методология эксплицитная, декларируемая — вещь гораздо менее интересная, чем методология имплицитная, рабочая, и очень часто противоречит последней. Но гораздо важнее, что книга эта предоставляет современным российским экономистам возможность узнать, как оцениваются их предшественники заинтересованным и доброжелательным (лично зная автора и его увлеченность русской культурой, могу сказать это не голословно), но объективным наблюдателем со стороны.

Предчувствую, что особый интерес у нашего читателя могут вызвать главы 5 и 6, в которых автор пытается дать ответ на вопрос, как получается, что любая попытка привить российской экономической науке западные инструменты приводит к бурной аллергической реакции возврата в донаучное (автор называет его «средневековое») состояние неразрывного единства с этикой? Цвайнерт видит разгадку этого феномена в оригинальном сочетании антропоцентризма и холизма, глубоко присущем русской культуре и в особенности православной церкви. К этому, наверное, можно добавить традиционно российский способ внедрять реформы (а все российские реформы были западническими) с помощью административного принуждения, что не всегда способствует их благожелательному усвоению. Кроме того, следует сказать, что российский «антропоцентризм», на который ссылается Й. Цвайнерт, очень своеобразен. Он мирно сочетается с традиционным презрением российской власти к простому «государственному жителю», жизнь которого ничтожна по сравнению с государственными интересами. Именно самодержавный «холизм», на мой взгляд, представляет собой более важный элемент выделяемого автором сочетания.

В русском переводе неизбежно утрачивается важный смысловой оттенок, который имеется в заглавии книги. Она тактично называется "*Eine* Geschichte des Ökonomischen Denkens in Russland" (выделено мной. — *В. А.*), буквально — «Одна из возможных историй экономической мысли в России». Неопределенный артикль означает, что написанное не есть единственно возможный вариант. Но вариант этот, бесспорно, заслуживает внимания российского читателя.

В.С. Автономов

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло уже более десяти лет с весны 1997 г., когда началась моя творческая командировка в Санкт-Петербург, продлившаяся два с половиной года. Передо мной стояла цель осветить с «западной» точки зрения «серое пятно на всемирной карте истории экономической мысли» и дать специалистам немецкоязычного пространства представление о мире идей, как правило, недоступном им в силу языкового барьера. К моей немалой радости книга в немецком издании[1] вызвала живой интерес и имела позитивный резонанс[2]. И то обстоятельство, что Европейское общество истории экономической мысли отметило мое исследование премией за лучшую книгу, свидетельствует о большом внимании его членов к истории российской экономической мысли и о том, что она понимается как составная часть европейского дискуссионного поля.

Меня очень обрадовала такая реакция на мою книгу, но я был убежден в том, что местом, где она должна быть прежде всего прочитана, является Россия. Как отмечает в своей вступительной статье Владимир Автономов, эта книга — одна из возможных версий истории экономической мысли в России. Центральный тезис моей книги состоит в том, что трудности, которые испытывает Россия в процессе становления рыночной экономики, имеют отношение к господствовавшим и господствующим там духовным традициям или, в терминологии Артура Дензау и Дугласа К. Норта, к «shared mental models» — ментальным моделям, присущим духовным элитам. Я уверен, что этот тезис вызовет критику и возражения, и буду рад вступить в плодотворную дискуссию по этому поводу с моими российскими коллегами.

Хочу выразить чрезвычайную благодарность переводчику Леониду Цедилину и научному редактору русского издания Владимиру Ав-

---

[1] Zweynert J. Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Russland. 1805—1905. Marburg, 2002.

[2] Об этом свидетельствуют помимо прочего обсуждения в «European Journal for the History of Economic Thought» (2003. N 2. P. 367—370), «Kyklos». (2003. N 3. P. 431—434) и рецензия латвийско-американского экономиста Николаса В. Балабкинса в «Journal of the History of Economic Thought». (2005. N 2. P. 207—214).

тономову. Оба проделали намного бóльшую работу, чем просто перевод и редактирование. Так, практически все оригинальные русские цитаты, которые я при выписке сразу же переводил на немецкий, пришлось заново искать в первоисточниках. В нескольких местах г-да Цедилин и Автономов указали мне на ошибки и неточности в немецком оригинале и побудили меня пересмотреть либо усилить свои аргументы. За исключением этих отдельных изменений текст в общем соответствует немецкому оригиналу. Заключительную главу я, однако, написал заново, используя при этом материалы двух своих статей, опубликованных в 2006 и 2007 гг. в журнале «Europe-Asia Studies»[3].

Моя искренняя признательность Екатерине Рязанцевой из Высшей школы экономики за ее очень тщательную редакционную работу над текстом. Одновременно от лица всех участников этого переводческого проекта я выражаю сердечную благодарность за финансовую поддержку Гёте-Институт-Интернационес, Уполномоченному правительства Германии по вопросам культуры и СМИ, а также Фонду Фридриха Наумана.

Русское издание моей книги я посвящаю моему научному руководителю, профессору Гамбургского университета Хайнцу Ритеру, которому в этом году исполнилось 70 лет. Он не только оказал мне огромную помощь при подготовке немецкого оригинала. Без его активного участия было бы невозможно изыскать необходимые средства для настоящего издания.

Йоахим Цвайнерт
Гамбург, июль 2007 г.

[3] «Economic Ideas and Institutional Change: Evidence from Soviet Economic Debates 1987—1991» // Europe-Asia Studies. 2006. N 2. P. 169—192; Conflicting Patterns of Thought in the Russian Debate on Transition 1992—2002 // Europe-Asia Studies. 2007. N 1. P. 47—69.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная часть настоящего исследования была подготовлена во время научной командировки в Санкт-Петербург между апрелем 1997 и октябрем 1999 г. Заключительная часть — в период моей работы в качестве научного сотрудника Института экономических систем, экономической истории и истории экономических учений Гамбургского университета.

Я хотел бы выразить особую благодарность научному руководителю моей докторской диссертации профессору Хайнцу Ритеру, который никогда не пытался ограничивать меня в моем творческом поиске и в то же время оказал мне неоценимую помощь своими предложениями, критическими соображениями и замечаниями при структурировании и изложении моих мыслей. Я также весьма признателен профессору Христиану Шееру за его подробные комментарии. Беседы с Крисом Манди, профессором Леонидом Дмитриевичем Широкорадом и моим другом Даниэлем Риникером помогли мне перепроверить и четче обосновать свои аргументы. Я благодарю сотрудников петербургских научных библиотек за их доброжелательность и терпение.

С чувством глубокой благодарности я посвящаю это исследование моим родителям Элизабет и Готфриду Цвайнертам.

Гамбург, август 2002 г.
Иоахим Цвайнерт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЧАСТО ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Брокгауз — Эфрон	Большой энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. СПб., 1890—1907
НЭС Брокгауз — Эфрон	Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 29 т. СПб., 1911—1916. Неоконченное издание, предполагался выпуск 48 томов
Гранат	Энциклопедический словарь товарищества «Братья А. и И. Гранат и Ко»: в 58 т. СПб.; Пг.; Л., 1910—1948
РБС	Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; Пг., 1896—1918
БСЭ	Большая советская энциклопедия
	1-е изд.: в 56 т. Л.; М., 1926—1948
	2-е изд.: в 54 т. М., 1949—1960
	3-е изд.: в 30 т. М., 1970—1978
MERSH	The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History: 55 vols. Gulf Breeze, 1976—1993
NDB	Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1953—2001. Незавершенное издание, выпущено 20 томов

Глава 1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И МЕТОД

Россия если не белое, то, вероятно, светло-серое пятно на мировой карте истории экономических учений. По причине ли языкового барьера или в силу недостаточного интереса со стороны исследователей российская экономическая литература до сих пор мало известна на Западе. Из российских и советских работ по истории экономической науки лишь первая часть первого тома монументального труда «История русской экономической мысли», издававшегося в 1955—1966 гг.[1], была переведена на английский язык[2]. После того как Александр Гершенкрон подверг перевод уничтожающей критике[3], ни один из последующих томов так и не был издан. Однако потеря для науки, возникшая в связи с этим, носила ограниченный характер. Как правильно констатировал Андрей Аникин, история российской экономической мысли воспроизводилась в советской литературе по истории учений в столь искаженном виде, что российские исследования по соответствующей проблематике в 1990-е гг. оказались в самом начале пути[4]. И хотя в последнее время в России было написано несколько работ по истории российской экономической науки, до сих пор не хватает ее цельного отображения с немарксистских позиций[5]. Этому можно найти по мень-

---

[1] История русской экономической мысли / А.И. Пашков (ред.): в 3 т. М., 1955—1966. Первый и второй тома — в двух частях, вторая часть третьего тома не вышла в свет.

[2] A History of Russian Economic Thought: Ninth through Eighteenth Centuries / J.M. Letiche (ed.). Berkeley, 1964.

[3] Gerschenkron A. Histories of Russian Economic Thought // Gerschenkron A. Continuity in History and other Essays. Cambridge (Mass.), 1968. P. 466 ff.

[4] См.: Аникин А.В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 7.

[5] В 2000 г. Л.И. Абалкин, возглавлявший в то время Институт экономики Российской академии наук, заявил на конференции в Москве, что Институт экономики в скором времени представит изложение истории экономической мысли в России. Этот труд, между тем, вышел в свет. Речь идет о работе: Очерки истории российской экономической мысли / Л.И. Абалкин (ред.). М., 2003.

шей мере два объяснения. Во-первых, следует указать на то, что российские ученые относятся к категории лиц, наиболее сильно пострадавших в материальном отношении от процесса трансформации. Те, кто остался в науке, нередко вынуждены заниматься побочной деятельностью, и для реализации масштабных исследовательских программ у них зачастую попросту нет времени. Во-вторых, большинство российских экономистов в первой половине 1990-х гг. отмечались отчетливым стремлением в исследованиях и в преподавании равняться на Запад, что не способствовало интересу к истории российской экономической мысли. Такая позиция отчасти была обусловлена изложением этого предмета в соответствующих советских учебниках: эволюция «прогрессивной» экономической мысли представлялась в них в виде непрерывной линии, восходящей к вершинам марксизма-ленинизма. Одновременно пропагандировалось мнение, будто бы российские профессора-экономисты «раболепствовали перед буржуазным Западом»[6] и соответственно не внесли никакого оригинального вклада. Это предубеждение широко распространено в России по сей день. Следует заранее оговориться: конечно, было бы ошибкой отрицать влияние западной экономической науки на российских ученых-экономистов. Однако о слепом следовании, как правило, не может быть и речи. Как бы часто ни менялись западные веяния, в способе их восприятия в России, несомненно, всегда четко отражались отечественные духовные традиции.

В современном поляризованном российском обществе исследование такого предмета, как российская экономическая мысль, зачастую означает осознанный выбор политической позиции: против мнимого преклонения перед Западом, в защиту «национальных ценностей». В первой половине 1990-х гг. лишь очень немногие в России исследовали эту область. Однако после того как попытка быстро навести ориентированный на западные образцы экономический и общественный порядок потерпела в России неудачу, приблизительно с середины 1990-х гг. наблюдается обращение российской элиты к собственному культурному наследию[7]. Поскольку на основе исследования учений мыслителей прошлого надеются прийти к выводам в отношении стра-

[6] История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. С. 19.

[7] Об этом свидетельствует кроме уже упомянутой «Истории русской экономической мысли», с одной стороны, издание в 1998 г. в Москве сборника «Русские экономисты (XIX — начало XX века)», а с другой — основание серии новых изданий трудов российских мыслителей-экономистов «Российская экономическая мысль», первый том которой «Н.К. Бабст. Избранные труды» увидел свет в 1999 г. в Москве. [В дальнейшем в этой серии вышли труды В. Безобразова, И. Янжула, а также том «Историки экономической мысли России / В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов». — *Примеч. ред.*]

тегии реформ, которая, как полагают, будет в большей мере соответствовать отечественным культурным традициям, такой интерес никак нельзя назвать чисто академическим. В этой связи следует прежде всего упомянуть группу вокруг академика Леонида Ивановича Абалкина, которая в последнее время пытается из истории российской экономической мысли вывести «российскую экономическую доктрину» и доказать ее превосходство над западной либеральной «экономической идеологией»[8]. Инициированная Абалкиным конференция на тему «Российская школа экономической мысли — прошлое и настоящее», проходившая в Москве в 2000 г., представляла собой (до сих пор) апогей усилий, предпринимаемых в этом направлении. К острой дискуссии по поводу тезиса Абалкина о существовании «российской школы»[9], который он развивал на этой конференции, мы еще вернемся в заключительной главе настоящего исследования.

Следуя подходу Карла Прибрама, я исхожу из того, что восприятие обществом экономических проблем определяется общими образцами и традициями мышления, «которые не ограничиваются рамками экономической науки в строгом смысле слова»[10]. Влияние экономико-исторических факторов на развитие российской экономической науки нельзя в принципе отрицать. Однако как раз в случае истории российской экономической мысли отчетливо видно, что реальные исторические изменения существенным образом влияли на то, какими вопросами задавались в первую очередь ученые-экономисты, но вряд ли на то, какими *методами* они пользовались при анализе интересующих их проблем[11]. Предложенный Карлом Прибрамом тезис о (социально-) философских детерминантах экономической мысли в различных странах или в различных культурных пространствах нашел развитие в новейших исследованиях Марка Перлмана и Чарльза Р. Мак-Кэнна[12]. Если Прибрам предлагает, пожалуй, излишне упрощенную классификацию социально-философских образцов мышления на основе противопоставления номинализма и эссенциализма[13].

---

[8] В концентрированном виде с этими идеями можно ознакомиться в статье: Абалкин Л. Система ценностей в российской экономической мысли (о книге «Русские экономисты (XIX — начало XX века)») // Вопросы экономики. 1998. № 9. С. 148—152.

[9] См.: Абалкин Л.И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М., 2000.

[10] Pribram K. A History of Economic Reasoning. Baltimore; L., 1983. P. XIX.

[11] См. в том же смысле: Ibid. P. 585—586.

[12] Perlman M., McCann Jr. Ch.R. The Pillars of Economic Understanding, Ideas and Traditions. Ann Arbor, 1998.

[13] Весьма четкое определение понятий «номинализм» и «эссенциализм» предлагает Карл Поппер в своей книге «Нищета историцизма» (1957). Цит. по немецкому изданию: Popper K. Das Elend des Historismus. Tübingen, 1987. S. 21 ff.

то Перлман и Мак-Кэнн с помощью более комплексного и непредвзятого подхода стараются отразить многообразие социально-философских традиций. Свой метод они определяют как концепцию патристического наследия* (patristic legacies). Если предположить, что в каждой стране или каждом культурном пространстве существуют фигуры или институты, которые благодаря их религиозному или светскому авторитету оказывают или оказывали первостепенное влияние на развитие мысли в соответствующей стране или культурном пространстве, то центральный вопрос формулируется следующим образом: «Какой линии мышления вы придерживаетесь, или в какую верите, или какой руководствуетесь в своих действиях, или какую прокламируете?»[14]. Концепция патристического наследия представляется особенно пригодной для анализа истории российской экономической мысли, поскольку среди историков существует консенсус относительно того, что культурные различия между Россией и Западной Европой объясняются прежде всего традициями русского православия. Поэтому в соответствии со своим первостепенным значением для российской духовной истории патристическое наследие русского православия (подразд. 1.3.1) должно было стать исходным пунктом нашего анализа.

Полученные посредством вышеизложенного подхода заключения относительно взаимосвязи между социально-философскими традициями и экономической мыслью в России могут нас вывести — и в этом состоит основополагающий тезис настоящего исследования — также и на важные заключения относительно экономико-культурного измерения современной проблемы трансформации. При этом автор, опять-таки следуя Прибраму, считает, что господствующие в обществе привычки и традиции мышления оказывают влияние не только на интеллектуальный подход к экономическим вопросам, но в значительной степени и на экономическую организацию этого общества[15]. Отсюда Прибрам делает вывод,

> «что предпосылкой всякого преобразования общественных или экономических институтов или организаций является изменение господствовав-

---

* Под «патристикой» принято понимать средневековую литературу, опирающуюся на труды отцов церкви. — *Примеч. ред.*

[14] Perlman M., McCann Jr. Ch.R. Op. cit. P. 3.

[15] Прибрам поясняет этот тезис с помощью примера, имеющего некоторое значение для истории российской экономической мысли: схоластическая вера в иерархическую «структуру вечно истинных общих понятий» нашла свое отражение в косной социальной и экономической организации средневекового общества. Этот общественный порядок удается сломать лишь тогда, когда снова и снова ставятся под сомнение косные методы схоластического мышления (Pribram K. Op. cit. P. 587).

шего канона мышления, который создавал фон для доминировавших до того форм социальной и экономической жизни»[16].

Исследуя историю российской экономической мысли, исходя из этой гипотезы, я надеюсь также получить ответ на вопрос о том, почему утверждение рыночной экономики в России на протяжении более 150 лет наталкивается на упорное сопротивление широких слоев российского общества. Коротко говоря, я предлагаю не *пособие* по истории российской экономической науки XIX столетия, а анализ российской экономической мысли под определенным углом зрения и при определенной постановке вопроса. Поэтому речь идет об *авторской версии* истории российской экономической мысли XIX в.; при иной постановке вопроса получилась бы и другая история[17].

Поскольку в первую очередь интерес для меня представляют *методы* российской экономической мысли, я ограничиваюсь характеристикой важнейших авторов и направлений и рассматриваю не все значимые труды ученых-экономистов, внесших вклад в специальных областях экономической теории. Вместо этого я уделяю значительно больше места, чем это обычно принято в литературе по истории экономических учений, экономическим концепциям общественных движений, поскольку связь между социальной философией, политическим мировоззрением и экономической наукой была в России всегда значительно более тесной, чем в Западной Европе или в Соединенных Штатах Америки. Многие влиятельные представители российской экономической мысли были не академическими учеными, специалистами в своей области, а публицистами и пропагандистами, отстаивавшими в качестве приверженцев политических группировок общественные идеалы. Обоснованием их общественно-политических представлений служили определенные социально-философские концепции, однако вряд ли найдется хотя бы один русский интеллигент (к этому понятию мы еще вернемся), который бы не высказывался и по экономическим проблемам в узком смысле слова. Вместе с тем каждый из рассматриваемых далее академических ученых-экономистов, занимаясь научной деятельностью, своими публицистическими работами параллельно участвовал в общественно-политической полемике своего времени. Поскольку академические ученые-экономисты снова и снова оказывались втянутыми в дискуссии с представителями интеллигенции, они были вынуждены со своей стороны полемизировать с

[16] Pribram K. Op. cit.

[17] По этому вопросу см.: Priddat B.P. Theoriegeschichte oder Theoriegeschichten? Über den Status der ökonomischen Dogmengeschichte // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1998. Bd. 217. N 4. S. 483—498.

социально-философскими идеями, лежавшими в основе экономических представлений тех или иных политических группировок. Вследствие постоянного взаимного влияния академических и внеакадемических экономических направлений в России размывается граница между социальной философией и «чисто» экономической мыслью. Рассмотрение обоих не всегда четко различаемых направлений я считаю необходимым для анализа, поскольку существовавшие между ними взаимные влияния имели значение при определении направления, в котором развивалась российская экономическая мысль в различные периоды истории.

То обстоятельство, что российские ученые-специалисты то и дело оказывались вовлеченными в политические дискуссии, способствовало тому, что они относительно мало занимались проблемами экономической теории в более узком понимании (сходная ситуация сложилась и во Франции[18]). Если в рамках ретроспективного исследования задаться вопросом о том, какой вклад российские экономисты внесли в теорию, которую *мейнстрим* (основное течение) научного экономического сообщества воспринимает ныне как общепринятую, то, за редким исключением, вряд ли следовало бы начинать изыскания до 90-х гг. XIX в. Однако такая задача здесь и не ставится, тем более что автор невысокого мнения о ретроспективном методе анализа истории мысли. Элиас Канетти нашел лучшие слова для его критики, чем это удалось сделать мне:

> «Все книги, которые лишь показывают, как мы пришли к своим сегодняшним представлениям, господствующим представлениям о животных, человеке, природе, мире, вызывают у меня недоумение. Как, собственно, дошло до этого? В трудах мыслителей прошлого выискиваются положения, которые постепенно привели к нашему нынешнему мировоззрению. Большая, ошибочная часть их воззрений воспринимается как досадное недоразумение. Что может быть стерильнее такой литературы?»[19]

Принимая во внимание скудность литературы по теме, обзор которой завершает введение (см. разд. 1.2), представляется необходимым заново написать всю историю российской экономической мысли. Однако это вряд ли возможно сделать в рамках настоящей работы. Я ограничиваюсь определенным историческим отрезком. Исследование начинается 1805 г., когда был опубликован первый в России учеб-

---

[18] Gide C. Die sozialökonomische Literatur in Frankreich seit dem Beginn dieses Jahrhunderts // Die Wirtschaftswissenschaft nach dem Kriege, Festgabe für Lujo Brentano zum 80. Geburtstag / J.M. Bonn, M. Palyi (Hrsg.) Bd. 2: Der Stand der Forschung. München; Leipzig, 1925. S. 33—58.

[19] Canetti E. Die Provinz des Menschen. Aufzeichnungen 1942—1972. Frankfurt a.M., 1993. S. 258.

ник политической экономии — русский перевод «Начальных оснований государственного хозяйства» Христиана фон Шлёцера, и завершается 1905 г., поскольку первая русская революция подвела черту под XIX столетием в России. К тому же число публикаций так возрастает, что описание последующих двенадцати лет до 1917 г. заняло бы дополнительно 150—200 страниц. Революционный 1905 год является, однако, весьма условным конечным пунктом. Последнее из рассмотренных течений, так называемый легальный марксизм, хотя и берет начало в 90-х гг. XIX в., однако его представители публиковались вплоть до 30-х гг. XX столетия. Настолько, насколько это необходимо для понимания их идей, эти более поздние работы также анализируются. Вместе с тем не рассматриваются те авторы, ранние работы которых были изданы в течение исследуемого периода, но зенит творчества которых пришелся на более позднее время[20]. Представление российского ортодоксального марксизма имеет смысл только в связи с Октябрьской революцией. Поэтому я отказался от рассмотрения в общих чертах его начального периода.

Мое исследование построено хронологически. Это имеет, несомненно, свой недостаток, поскольку непрерывное развитие подразделяется на отдельные этапы. Так, становление российского классического экономического учения в 1805—1860 гг. представляет собой непрерывный поступательный процесс, который описывается здесь в двух самостоятельных главах. Однако деление на временные отрезки оправдано тем, что реальные исторические изменения оказывали существенное влияние на постановку центральных проблем, которыми занимались российские экономисты. Влияние политической истории на российскую экономическую науку связано, с одной стороны, со степенью свободы мнений, постоянно менявшейся и имевшей решающее значение при выборе тем, которые можно было публично обсуждать. С другой стороны, масштаб угнетения общественных движений решающим образом определял масштаб радикализма оппозиционной интеллигенции. Перелом политического развития, когда сравнительно либерального Александра I (1801—1825) сменил архиконсервативный Николай I, был весьма значимой исторической вехой. Важнейшим со-

[20] Не рассматривается также творчество Владимира Карповича Дмитриева (1868—1913), чей главный труд «Экономические очерки» появился в 1904 г., т.е. в самом конце исследуемого периода. Интересующимся читателям можно порекомендовать удачное исследование Бертрама Шефольда: Schefold B. V.K. Dmitriev: Ein russischer Neoricardianer // Studien zur Entwicklung der ökonomischen Theorie XII: Osteuropäische Dogmengeschichte, Schriften des Vereins für Socialpolitik / H. Rieter (Hrsg). Berlin, 1992. N.F. Bd. 115/XII. S. 91—110. [См. также недавнее издание: Дмитриев В.К. Экономические очерки / П.Н. Клюкин (науч. ред.). М., 2001, в которое включены несколько современных статей о Дмитриеве западных экономистов. — *Примеч. ред.*]

бытием экономической истории в рассматриваемый период, несомненно, стала отмена в 1861 г. крепостного права. Недостаточное правовое оформление освобождения крестьян привело к обеднению в 1860-е гг. значительной части сельского населения, в результате чего русский мужик оказался в центре внимания общественных движений. Последний исторический перелом приходится на 1890 г. Он знаменует начало индустриализации в России и усиление влияния марксизма, причем констатируемая зачастую взаимосвязь между этими процессами, на наш взгляд, небесспорна. Голод зимой 1891/1892 гг. был главным фактором, породившим ожесточенные дебаты между народниками и легальными марксистами по поводу того, по какому пути пойдет экономическое развитие России.

В заключительной части я попытаюсь дать предварительный ответ на вопрос о взаимосвязи общих образцов мышления, экономической мысли и организации хозяйствования в России.

1.2. СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данном разделе читателю предлагается обзор существующей литературы по истории российской экономической мысли. Поскольку нижеследующие имена авторов и названия их сочинений будут встречаться на протяжении всего изложения, я позволю себе кратко представить основные работы.

1.2.1. ТРУДЫ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ

До Октябрьской революции 1917 г. мы найдем обширную литературу по общей истории экономической мысли, однако вряд ли обнаружим хотя бы одну крупную работу по развитию российской экономической науки. Первым автором фундаментального труда по этой теме был Владимир Владимирович Святловский (1869—1927), чья «История экономических идей в России» появилась в 1923 г.[21] Святловского все же следует считать дореволюционным автором, поскольку мы не увидим у него типично советских искажений. Его отличает обстоятельный анализ западноевропейского влияния на развитие российской экономической мысли, за что он подвергался нападкам советской крити-

[21] Святловский В.В. История экономических идей в России. Т. 1. Пг., 1923. Том 2 не появился. [Переиздана в сборнике «Историки экономической мысли России / В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов». М., 2003. — *Примеч. ред.*]

ки в 1950-е гг.[22] Предпринятое Святловским деление на фазы английского, французского и германского влияния представляется, однако, слишком однозначным и прямолинейным и ведет к недооценке отечественных элементов в российской экономической науке.

В 1940 г. Израиль Григорьевич Блюмин (1897—1959) предлагает свои «Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века»[23]. Хотя этот труд Блюмина уже несет определенную идеологическую нагрузку, однако он единственный советский историк, который интенсивно занимался методологическими и теоретическими вопросами и держал критическую дистанцию по отношению ко всем авторам, в том числе и к марксистским. Эта его позиция, а также глубокое знание западных теорий[24], влияние которых на русскую экономическую науку он сумел оценить как никакой другой российский автор до и после него, позволяют считать его вплоть до настоящего времени выдающимся историографом российской экономической науки. Его «Очерки» и небольшие статьи немало помогли мне при подготовке настоящего исследования.

«Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков»[25] Виктора Морисовича Штейна (1890—1964) только на первый взгляд представляют собой самое последовательное советское изложение истории российской экономической мысли. Автор особое внимание уделяет генезису экономической концепции левой интеллигенции, «вершину» которого он усматривает в экономическом труде Сталина. И все же, что называется, между строк можно усмотреть, что он уклоняется от того, чтобы впихнуть историю «пролетарской политической экономии» в схему ленинской интерпретации истории. В своей рецензии Николай Александрович Цаголов, один из вид-

---

[22] См. статью в БСЭ о В.В. Святловском (БСЭ. 3-е изд. Т. 23. М., 1976. С. 95), а также: История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. С. 19.

[23] Блюмин И.Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М., 1940.

[24] Блюмин — автор наиболее обстоятельного в теоретическом отношении критического разбора западной «буржуазной» экономической науки (см.: Субъективная школа буржуазной политической экономии: в 3 т. М., 1928—1931). В начале 1930-х гг. Пашков (издатель «Истории русской экономической мысли») и его сторонники упрекали его именно за «логический метод критики». В результате своего подробного критического анализа западных учений он, как писал один из его оппонентов, «сам скатился в болото вульгарной политической экономии» (цит. по: Суперфин Л. Так утверждались стереотипы. К критике зарубежной буржуазной политической экономии — 20—30-е годы // Вопросы экономики. 1991. № 1. С. 148, 152). Блюмин, однако, смог продолжить свою преподавательскую деятельность, и во время «оттепели» 1960-х гг. была даже переиздана его «Субъективная школа» (М., 1962). [Это было сильно изуродованное самоцензурой издание. — *Примеч. ред.*]

[25] Штейн В.М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948.

нейших авторов и соредактор второго тома сталинистской «Истории русской экономической мысли», упрекал его в «полном пренебрежении к классовому содержанию изучаемых идеологий и их исторической роли»[26].

По Цаголову, Штейн «дал в целом немарксистскую конструкцию развития русской общественно-экономической мысли в XIX и XX вв., неправильно оценил основные вехи ее развития»[27].

Этот приговор означал для Штейна конец научной карьеры как экономиста. «Очерки» предлагают в высшей степени остроумный анализ экономических концепций общественных движений России. Высказывания автора по поводу экономических воззрений интеллигенции 1840—1860-х гг., пожалуй, лучшее из всего написанного по этой теме. Однако в отдельных местах книги ее автор не всегда достаточно обосновывает свои довольно смелые суждения.

Хотя первый том «Истории русской экономической мысли» — уже неоднократно упоминавшегося труда коллектива авторов под общей редакцией Анатолия Игнатьевича Пашкова (1900—1988) — вышел в свет уже после смерти Сталина, эта работа, по меткому определению Гершенкрона, «бесспорно, отмечена позорным знаком советской историографии эпохи Сталина»[28]. Основополагающий тезис и одновременно идеологический посыл этого труда состоит в том, что русская экономическая мысль развивалась самостоятельно и она ни в коем случае не зависела от западных влияний, как это утверждается «буржуазными» авторами в апологетических целях[29]. Следуя этому маршруту, авторы изо всех сил пытаются доказать, что российское экономическое мышление никоим образом не было отсталым, напротив, его «прогрессивные» представители были постоянно намного впереди Запада. В соответствии с марксистским ретроспективным подходом экономические концепции русской интеллигенции стоят на первом плане, тогда как «буржуазных» русских экономистов упрекают в несамостоятельности и подражании западной экономической науке. Произведение является научно-историческим документом важнейшего значения постольку, поскольку оно весьма выразительно документирует уровень тех потерь, которые понесла российская наука в результате сталинских «чисток». Благодаря своим превосходным библиографическим приложениям, практически полностью охватывающим также дореволюционную и зарубежную литературу, «Пашков» все-таки представ-

[26] Цаголов Н.А. Порочная книга о развитии русской экономической мысли // Вопросы экономики. 1948. № 4. С. 103.

[27] Там же. С. 109.

[28] Gerschenkron A. Histories of Russian Economic Thought. P. 465.

[29] В этом Абалкин и сейчас усматривает «заслугу коллектива» под руководством А.И. Пашкова (Абалкин Л.И. Российская школа экономической мысли. С. 6).

ляет собой незаменимое вспомогательное средство и для сегодняшних исследователей.

1.2.2. РАБОТЫ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Появившиеся после 1990 г. работы по истории российской экономической мысли, к сожалению, не вполне убедительны. Уже цитировавшаяся ранее книга Андрея Владимировича Аникина (1927—2003) «Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма» обозначает границу между советской и постсоветской литературой. Хотя автор на словах пытается дистанцироваться от советских исследований, однако в методологическом отношении он остается в значительной степени их заложником. Так, экономические взгляды российской интеллигенции, в том числе писателей, которых никак нельзя причислить к мыслителям-экономистам, Аникин рассматривает намного подробнее, чем собственно экономическую науку как академическую дисциплину. Исследуя историю российской экономической науки, он рассчитывает в первую очередь получить ответ на вопрос о том, как осуществить перестройку социализма в России[30].

«История российской политической экономии» В.А. Павлова[31], которая была издана в 1995 г. в серии учебной литературы «Возрождение гуманитарного образования в России», читается как опровержение произведения Аникина. Автор радикально дистанцируется от советской литературы, но вместе с водой выплескивает и ребенка, исследуя единственно вопрос о том, какой вклад российские ученые-экономисты внесли в неоклассическую теорию. Попытку всеобъемлющего изложения истории российской политической экономии на чуть более чем двухстах страницах вряд ли следует признать успешной. Если рассмотрение периода до середины XIX в. Павлову удается, то далее из-за обилия материала, подлежащего обработке, автор совершенно «теряет управление».

1.2.3. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Англоязычная литература по теме помимо уже упоминавшегося перевода половины первого тома «Пашкова» представлена двумя ис-

[30] См.: Аникин А.В. Путь исканий. С. 7. [В последние годы жизни Андрей Владимирович подчеркивал, что эта книжка имеет сильные идеологические искажения и он не рекомендует ею пользоваться. — *Примеч. ред.*]

[31] См.: Павлов В.А. История российской политической экономии. М., 1995.

следованиями, вышедшими из-под пера российских эмигрантов. Это «Дух российской экономической науки» Джека Ф. Нормано[32] и «История российской немарксистской социально-экономической мысли» Бориса Ижболдина[33]. К сожалению и эти работы тоже неудовлетворительны. Не говоря уже о незначительном объеме книги Нормано (сто пятьдесят страниц слишком мало для всеобъемлющего изложения), этот российско-бразильский автор также пренебрегает академической экономической наукой. Как и Святловский, Нормано подразделяет историю российской экономической мысли на периоды английского, французского и германского влияния. Свой весьма сомнительный тезис о том, что Октябрьскую революцию следует понимать прежде всего как «реакцию отторжения и превентивную меру против продолжительной германской гегемонии в экономической жизни и мысли России»[34], автор оставляет без обоснования. Работа Ижболдина по объему вдвое больше, чем исследование Нормано, однако автор выказывает честолюбивую претензию на максимально полное рассмотрение представителей анализируемых им течений. Множество биографических сведений значительно затрудняет чтение. В остальном книга содержит оригинальные, но порой излишне односторонние суждения. Для их обоснования нужен научный аппарат, который между тем отсутствует, если не считать довольно скупой библиографии.

В немецкоязычных исследованиях на передний план выдвинут вопрос о германском влиянии на российскую экономическую науку. Считающаяся сегодня классической работа на эту тему принадлежит перу Вильгельма Рошера, посвятившего главу немецко-русской школе в своей «Истории национальной экономии в Германии»[35] (1874 г.). В связи с переизданием этого труда в 1924 г. Ганс-Юрген Серафим в своей статье о немецко-русской школе[36] подвергает взгляды Рошера обстоятельной критике. Год спустя тот же автор публикует подробное исследование «Новейшие русские теории ценности и процента на капитал»[37]. В этой солидной работе рассматриваются теоретические дискуссии на рубеже XIX и XX вв. Затем свой вклад в изучение вопроса о германском влиянии вносит восточногерманский автор Хайнц Морман, опубликовавший в 1959 г. работу под названием «Российско-германские

[32] Normano J.F. The Spirit of Russian Economics. N. Y., 1945.

[33] Ischboldin B. History of the Russian Non-Marxian Social-Economic Thought. New Delhi, 1971.

[34] Normano J.F. Op. cit. P. 120.

[35] Roscher W. Geschichte der National-Ökonomik in Deutschland [первое издание — 1874]. Nachdruck; München, 1924.

[36] Seraphim H.-J. Die deutsch-russische Schule. Eine kritische Studie // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1924. Bd. 122. S. 319—336.

[37] Seraphim H.-J. Neuere russische Wert- und Kapitalzinstheorien. Berlin; Leipzig, 1925.

встречи в экономической науке»[38]. Хотя в целом книга заслуживает того, чтобы быть прочитанной, однако читателю мешает обусловленный временем идеологический балласт. В вышедшем в 1992 г. сборнике под редакцией Хайнца Ритера по истории экономических учений Восточной Европы[39] рассматриваются лишь отдельные аспекты истории российской экономической мысли, причем германское влияние вновь оказывается в центре внимания[40].

1.3. ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

Нижеследующий краткий очерк духовной и культурной истории России имеет своей целью дать представление об основополагающих российских традициях мышления, поскольку, как мне кажется, это необходимо для понимания русской экономической мысли[41].

1.3.1. ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Когда в конце первого тысячелетия в Россию из Византии пришло христианское вероучение, русское население по сравнению с высококультурной Грецией было не просто отсталым: речь шла о еще далеко

[38] Mohrmann H. Russisch-deutsche Begegnungen in der Wirtschaftswissenschaft (1750—1825). Berlin (Ost), 1959.

[39] Studien zur Entwicklung der ökonomischen Theorie XII.

[40] В статьях сборника рассматривались следующие темы: «Восточно-западная миграция германских экономистов», «Генрих фон Шторх», «В.К. Дмитриев», «Адольф Вагнер в Дерпте» и «Дискуссия о хозяйственном расчете при социализме».

[41] В своем повествовании я придерживаюсь в первую очередь «Истории русской философии» в двух томах Василия Васильевича Зеньковского (1881—1962), впервые опубликованной в Париже в 1948 г. Изложение русской духовной истории Зеньковским намного превосходит, на мой взгляд, все, что было написано на эту тему. Будучи служителем русской православной церкви, Зеньковский, как никто другой, смог осмыслить развитие российской философии в контексте ее религиозных корней. Однако в тех случаях, когда вследствие такой позиции автора изложению недостает дистанции, идеи Зеньковского нуждаются в критической перепроверке на основе альтернативных представлений. Такого рода дополнение представляет собой в первую очередь работа Т.Г. Масарика (1850—1937) (Masaryk Th.G. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen. 2 Bde. Jena, 1913). Резко контрастируя с Зеньковским, Масарик подходит к русской духовной истории с выраженных «западных», точнее, неокантианских позиций.

не цивилизованном народе. Таким образом, отсутствовали предпосылки для духовного восприятия христианской веры. Вследствие большого значения, придаваемого церковному церемониалу в греческой материнской церкви, духовная отсталость России по сравнению с Грецией привела к тому, что христианская религия перенималась первоначально как «культ и... церковный ритуал»[42].

Этот способ восприятия христианской веры был существенной, но вряд ли единственной причиной того, что в России, в отличие от Западной Европы, долгое время от христианской религии не исходили импульсы для активизации духовной деятельности[43]. С восприятием православной версии христианского вероучения Россия изолировалась от интеллектуального развития западного мира, поскольку она не смогла воспользоваться наследием античной греческой цивилизации[44]. Учения греческих философов, вновь открытые в XIII в. в Западной Европе, составили основу схоластического мышления, которое в позднем Средневековье стало распространяться в римско-католической церкви. В Западной Европе это положило начало длившемуся столетия процессу выделения из церкви светского мышления, когда эссенциалистски-органистические образцы мышления, присущие христианской вере в ее первоначальной форме, все сильнее подменялись номиналистски-механистическими методами. Русской православной церкви удавалось на протяжении почти пяти столетий препятствовать восприятию западной схоластики. Подавление светского мышления церковной властью имело своим следствием то, что в России на столетия в практически неизменном виде сохранились эссенциалистски-органистические образцы мышления, игравшие в греческом православии более значительную роль, чем в западном христианстве, а в русской версии православного вероучения они были особенно сильно выражены.

Идеал единства веры и мышления, индивида и общества, государства и церкви, короче говоря, четко выраженный холизм представляет собой собственно сущность русской религиозной догмы[45]. Противоречие между русским православным идеалом однородного целостного общества и *раздроблением* западного общества и его распадом на различные отделенные друг от друга сферы жизни и уровни сознания вновь и вновь становилось предметом рассмотрения руководства рус-

---

[42] Masaryk Th.G. Op. cit. Bd. 1. S. 35.

[43] Период до татаро-монгольского нашествия в 1240 г. поэтому обозначают обычно как «период молчания». Ср.: Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. М.; Ростов-на-Дону, 1999. Т. 1. С. 40.

[44] Masaryk Th. G. Op. cit. Bd. 2. S. 447 f.

[45] См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 4 т. СПб., 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 183 (первое издание вышло в 3 т., Санкт-Петербург, 1890 г.).

ской церкви вплоть до XVII в. Попытке рационального обоснования веры в рамках размеченных схоластикой границ она противопоставляла идеал веры смиренной, не зависящей от каких-либо обоснований.

Наряду с холизмом самым заметным признаком русского религиозного мышления является антропоцентристская ориентация. Как и холизм, антропоцентризм представляет собой наследие раннего христианства. Представление о том, что человек является «не зависящим от природы существом, стремящимся к спасению души и установлению отношения с Богом», изначально стоит «в центре христианской этики»[46]. Это представление в России еще в Средние века привело к фиксации религиозного мышления на моральных и социальных вопросах, что продолжалось и в общественных движениях XIX в.[47] Однако отличительной чертой русской социальной философии является своеобразный симбиоз холизма и антропоцентризма[48]. Холистская критика «раздробления», или «атомизации», общества вновь и вновь обосновывается необходимостью обеспечения условий для всестороннего развития человеческой личности. Считается, что разграничение уровней бытия и сознания таит в себе опасность соответствующего «раздробления» личности, которое в свою очередь препятствует ее всестороннему развитию. Отсюда следует обязательность сохранения цельности общества. В этой комбинации холизма и антропоцентризма, обусловливающих и усиливающих друг друга, и состоит, по моему мнению, основное и определяющее патристическое наследие русской православной церкви, воспринятое социальной философией, а вместе с ней и экономической мыслью в России.

Другую важную характеристику средневекового русского церковного мышления Зеньковский определяет как «мистический реализм»[49]. Существование эмпирической реальности хотя и признается, однако она трактуется исключительно как проявление Божьей воли, которую человек познает через свои ощущения. В этом коренится необычно большой в сравнении с Западом интерес русских образованных кругов к историко-философским вопросам. Зеньковский так описывает взаимосвязь трех основ русского мышления — холизма, антропоцентризма и исторического мистического реализма:

> «Русские философы, за редким исключением, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа. Именно в историческом бытии... лозунг целостности не-

[46] Gloy K. Das Verständnis der Natur. Bd. 2. Die Geschichte des ganzheitlichen Denkens. München, 1996. S. 170.

[47] Fedotov G.P. The Russian Religious Mind. Cambridge (Mass.), 1965. Vol. 1. C. 395 ff.

[48] См.: Зеньковский В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 20.

[49] Там же. С. 44 и далее.

устраним и нужен. Антропоцентричность русской философии постоянно устремляет ее к раскрытию данной и заданной нам целостности»[50].

Реальное политическое значение мистического реализма проявлялось в том, что царь рассматривался русской церковью как помазанник Божий, как проявление власти Бога на земле. Это привело к тому, что вплоть до XVIII в. в России существовало полное единение церкви и государства, которое в столь экстремальном виде не наблюдалось больше нигде в христианском мире. Признание религиозной миссии светской власти восходит еще к Византии. После завоевания Константинополя турками в 1453 г. в русской церкви распространяется идея о том, что Москва представляет собой Третий Рим. Первый и Второй Рим пали, потому что предали христианскую веру секуляризации[51]. Москве в качестве последнего бастиона истинной христианской веры доверено распространение православного вероучения по всему миру; Четвертому Риму не бывать. Здесь берет начало вера в священную миссию России, нашедшая свое последнее воплощение в большевистском учении о России как исходном пункте мировой революции.

Вопрос об особенностях проявления аскетизма в русской разновидности христианской веры, серьезно обсуждается в литературе по русской духовной истории[52]. Специально не рассматривая здесь этот спорный вопрос, отметим лишь, что история российской экономической мысли подводит к выводу о том, что у большинства русских мыслителей можно обнаружить более сильное по сравнению с западной социальной философией акцентирование духовного мира в противовес материальному.

1.3.2. ЗАРОЖДЕНИЕ СХОЛАСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И РАСКОЛ

Под впечатлением от духовного смятения, охватившего Западную Европу в связи с реформацией, сопротивление русской церковной вла-

---

[50] Зеньковский В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 20.

[51] См., например: Čyževskij D. Russische Geistesgeschichte. 2 Aufl. München, 1974. S. 100.

[52] Если Масарик считает аскетизм основополагающей характеристикой русской православной веры (см.: Masaryk Th.G. Op. cit. Bd. 1. S. 39), то Зеньковский не соглашается с этим тезисом самым решительным образом (см.: Зеньковский В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 42 и далее). Вероятно, лучший знаток русской религиозной истории Г.П. Федотов также сомневается в том, что аскетизм в России получил более сильное проявление, чем в Западной Европе: «Русский аскетизм среднего уровня не достигает огромной важности, характерной для христианского Востока и отчасти католического Запада. В целом русский тип отличается относительной умеренностью, хотя эта умеренность с современных позиций может показаться и экстремальной» (Fedotov G.P. Op. cit. Vol. 1. S. 387).

сти влиянию западного секуляризованного мышления на рубеже XVI и XVII вв. достигло высшей точки. Сообразно убеждению в том, что попытка рационального обоснования веры уже равнозначна ее потере[53], в учрежденных в начале XVII в. в Москве церковных училищах от основ грамматики сразу переходили к изучению церковных догм, пропуская логику и «все остальные латинские хитрости»[54].

Значительно дальше в секуляризации мышления продвинулась Украина, которая до середины XVII в. была частью Польши и только затем досталась России. Принадлежность к католической стране вынуждала украинскую Русскую православную церковь защищаться от католицизма, прибегая к основательным аргументам. Поэтому там Русская православная церковь открывала школы, в которых преподавались греческий язык и латынь, а учебная программа основанной в 1625 г. Киевской духовной академии была определенно ориентирована на западные образцы образования[55]. Памфлеты против католицизма, сочиненные киевскими теологами, отчетливо отражали влияние схоластики.

Последним значительным духовным движением до Петра I был *раскол*, русская схизма. Повод для церковного раскола представляется на первый взгляд незначительным. После того как проведенное в конце XVI в. расследование выявило отклонения русского религиозного обряда от греческой традиции, в начале XVII в. при патриархе Никоне начались реформы, имевшие целью уподобление греческому оригиналу[56]. Утвержденные церковным собором в 1666 г. изменения церковного ритуала — речь шла о том, следует ли креститься двумя или тремя перстами, а также надлежит ли в определенных местах литургии один или два раза пропеть «Аллилуйя»[57] — привели к отходу от основной церкви целых общин[58]. Раскол русской церкви из-за такого внешне ничтожного повода можно, конечно, отчасти объяснить тем, что вследствие недостаточной духовной укорененности христианской веры ритуальные формы отправления религиозного культа составляли для многих русских христиан в конечном счете содержание самой религии[59]. Однако истинная причина глубже. Во-первых, попытке реформирования

---

[53] См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. С. 211.

[54] Там же. С. 212.

[55] Там же.

[56] См., например: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 307—311.

[57] Stökl G. Russische Geschichte. 5. erw. Aufl. Stuttgart, 1990. S. 311.

[58] Движение староверов вскоре раздробилось на необозримое множество сект, единых только в своей оппозиции к государственной церкви. Приток верующих в эти секты продолжался вплоть до XX в. Согласно данным переписи 1917 г. староверов насчитывалось до 25 млн человек. См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 314.

[59] В этом, а также в низком уровне образования населения и церковнослужителей большинство авторов исследований по русской духовной истории усматривают основ-

предшествовало осознание необходимости поднять духовный уровень русской церкви, чтобы успешно противостоять все усиливающейся экспансии католицизма, проникавшего и в Московское государство. Подобный рациональный подход к вопросам веры, предполагавший дополнительную опору на греческие первоисточники, противоречил господствовавшей до того церковной идеологии, согласно которой Россия провозглашалась Третьим Римом, поскольку, как уже говорилось, принято было считать, что Византия пала вслед за Римом именно потому, что отклонилась от истинной веры. Во-вторых (и это главное), Русская православная церковь на протяжении веков пропагандировала взгляды, согласно которым интеллектуальное обоснование веры ведет к ее потере; теперь же пришлось обратиться к членам ненавистной Киевской академии, чтобы привести русские церковные книги в соответствие с греческим образцом. Согласно великому русскому историку Василию Осиповичу Ключевскому (1841—1911), раскол можно поэтому понимать как следствие противоборства все еще находившейся под влиянием средневековья России с западной наукой и культурой XVI и XVII вв.[60]

Староверы подвергались политическим преследованиям и потому были вынуждены «уйти в подполье». Это стало большой потерей для общества, поскольку в их среде преобладали люди, всерьез воспринимавшие свою веру, готовые активно отстаивать свои убеждения. При других обстоятельствах от тех, кто стали раскольниками, можно было бы ожидать внесения ценного вклада в развитие общества[61]. Теперь же они оказались в тотальной оппозиции к государству; позднее в Петре Великом они видели антихриста. Вера раскольников нередко была фанатичной: на рубеже XVII и XVIII вв. дело зачастую доходило до массовой религиозной истерии[62]. Таким образом, староверы обнаруживали существенные признаки русской левой интеллигенции в том виде, в каком они начали формироваться начиная с 30-х гг. XIX в.[63]

Раскол оказал двойное живительное воздействие на русские элиты. Во-первых, высшее духовенство и правительство осознали низкий

ную причину раскола. См., например: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. С. 44. Масарик даже считает, что в случае раскольников правильнее говорить не о староверах, а о старообрядцах (Masaryk Th.G. Op. cit. Bd. 1. S. 43).

[60] См.: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс в трех книгах. М., 1995. Т. 2. С. 378—394.

[61] См.: Čyževskij D. Op. cit. S. 139.

[62] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 310—311.

[63] Особенно обстоятельно эту тематику разрабатывает Н.А. Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (М., 1990. С. 9 и далее; впервые издана на английском языке, первое русское издание — в 1955 г.). Автор придерживается взгляда, согласно которому раскольники в 30-х гг. XIX в. трансформировались в левую интеллигенцию и с новой идеологической этикеткой возобновили борьбу за святую Русь.

уровень образования священнослужителей и населения[64]. Во-вторых, внутри самой церкви он знаменовал собой окончательный разрыв со средневековой идеологией священной природы царствования и высвободил тем самым внутренние духовные силы[65]. В первой половине XVII в. в Москве с величайшей настороженностью следили за происходящим на Украине. Лишь раскол раскрыл московской церковной власти глаза на то, насколько необходимо было поднимать уровень образования своих служителей. После упорной схватки двух группировок, из которых одна настаивала на преподавании только греческого языка, а другая считала и латынь обязательной составной частью теологического образования[66], последнее направление смогло однозначно взять верх в основанной в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии лишь к началу XVIII столетия[67]. При этом следует подчеркнуть, что речь шла лишь о зарождении светского мышления в Московском государстве. Еще целое столетие церкви будет удаваться удерживать русскую мысль в узких рамках церковного понимания науки и образования[68].

1.3.3. РЕФОРМЫ ПЕТРА I И ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Значение реформ Петра I для русской духовной истории вряд ли можно переоценить. Их различная оценка по сей день определяет ту разграничительную линию, которая разделила начиная с 40-х гг. XIX в. русское общество на западников и славянофилов[69].

Коль скоро Россия хотела в военной и экономической областях идти в ногу с Западом, реформы Петра I были исторической необходимостью. Однако способ их проведения вызвал разрушение русской духовной жизни. Пытаясь «сверху» европеизировать Россию, император выступал против всего того, что до сих пор составляло сущность русской культуры. Если Петр I принуждал горожан и дворянство но-

---

[64] См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. С. 209.

[65] См.: Зеньковский В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 60 и далее.

[66] Это противоборство, согласно Лаппо-Данилевскому, вполне можно трактовать как раннее проявление конфликта между западниками и славянофилами, призванного сыграть выдающуюся роль в духовной жизни России XIX в. (Lappo-Danilevsky A.[S.] The Development of Science and Learning in Russia // Russian Realities and Problems / J.D. Duff (Hrsg.). Cambridge, 1917. P. 160).

[67] См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. С. 217 и далее.

[68] Lappo-Danilevsky A. Op. cit. P. 161.

[69] См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 11.

сить западноевропейское платье и сбривать бороды и если он открыто со своими друзьями потешался над христианством[70], то стоит ли удивляться тому, что подавляющее большинство населения воспринимало его реформы в высшей степени враждебно[71].

Предпосылкой для европеизации России было усечение власти Русской православной церкви. Петр начал энергично проводить секуляризацию. Поскольку церковь в ходе раскола в значительной мере потеряла авторитет и, кроме того, наиболее активную часть верующих, она никак не могла противостоять устремлениям царя[72] и практически была интегрирована в государственный аппарат управления[73]. Чтобы понять значимость этой вынужденной секуляризации, нужно представить себе, что вера в священную миссию царя по-прежнему определяла мышление громадной части российского общества. Разрыв с традиционной культурой и секуляризация ввергли Россию в тяжелый культурный кризис. Возникший в связи с этим религиозный вакуум удалось заполнить только во второй половине столетия посредством восприятия западной философской мысли[74].

В этом ключ к пониманию того, каким образом принимались в России западные идеи после реформ Петра. В стране, которая после секуляризации в известной степени потеряла свою религию и неотъемлемой характерной чертой которой было как раз единство церкви и светской власти в стране, где только началось отделение светского мышления от религиозного, — в такой стране не могло быть познания ради самого познания. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, западные философские идеи, быстро распространявшиеся в России, послужили своего рода эрзацем религии. Эту функцию в первой половине XVIII в. выполняла прежде всего философия французского Просвещения, которая с присущей ей непоколебимой верой в человеческий разум особенно подходила для того, чтобы заменить утраченную религиозную догму[75]. Во-вторых, подход к западным философским течениям отражал уровень развития русской мысли до того, как Россия открылась духовному влиянию Западной Европы. В то время как западные течения, овладевавшие российским мышлением, сменяли одно другое прямо-таки в соответствии с «веяниями моды», российский подход к их восприятию, и это бросается в глаза, трансформировался очень мед-

[70] См.: Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 3. С. 67.

[71] Бердяев говорит даже о том, что «приемы Петра были совершенно большевистскими» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 12).

[72] См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. С. 168.

[73] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 315.

[74] См.: Зеньковский В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 91 и далее.

[75] См.: Там же. С. 132 и далее.

ленно и на протяжении рассматриваемого здесь периода оставался почти неизменным. Он отражал, что следует подчеркнуть многократно, духовное наследие Русской православной церкви. Чтобы охарактеризовать светское мышление в России, придется повторить сказанное в начале главы об особенностях русского православного мировоззрения. Как в первом, так и во втором случае обнаруживаются:

выраженный холизм, противопоставляющий «раздробленности» западного общества идеал целостного общества;

строго антропоцентрическая ориентация, которая ведет к концентрации на нормативной, особенно социальной постановке вопроса и образует симбиоз с холизмом;

отчетливая склонность к мистицизму, обращенная прежде всего на историю, в которой видят проявление Божьей воли;

более сильное по сравнению с Западом акцентирование внутреннего мира человека в противовес материальному миру.

Приведенные здесь каноны мышления будут вновь и вновь встречаться читателю на протяжении всего последующего изложения. В связи со столь сильной привязкой русского мышления к традициям православного мировоззрения можно было бы по праву спросить, идет ли здесь речь о действительно секуляризированном мышлении? Поскольку я как экономист не считаю себя вправе судить об этом, настоящая глава завершается не лишенной, правда, эмоциональной окраски цитатой из Масарика, который пытается дать ответ на этот вопрос:

> «Русским удавалось, под влиянием Европы, отрицать миф — теологию, но не критиковать его: русское мышление негативное, но не критическое, русская философия есть отрицание без критицизма. Образованный русский отказывается от своей детской веры, но одновременно он принимает другую веру — он верит в Фейербаха, в Фогта[76], в Дарвина, в материализм и атеизм»[77].

[76] Карл Фогт (1817—1895) был одним из самых ранних представителей материализма в Германии. Он сыграл центральную роль прежде всего в дискуссии на тему «Выводы естественных наук против потребностей души», разгоревшейся в 1854 г. на собрании естествоиспытателей в Гёттингене (Windelband W. Geschichte der Philosophie. 2. Aufl. Tübingen; Leipzig, 1990. S. 522 f.; Masaryk Th.G. Op. cit. Bd. 2. S. 430).

[77] Masaryk Th.G. Op. cit. Bd. 2. S. 430.

Цвайнерт, Й. История экономической мысли в России. 1805—1905 [Текст]
Ц25 / Й. Цвайнерт ; пер. с нем. Л. И. Цедилина ; под науч. ред. В. С. Автономова ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 410, [6] с. — Перевод изд.: Zweinert J. Eine Geschichte des Ökonomischen Denkens in Rußland. 1805—1905. Marburg: Metropolis Verlag, 2002. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0584-7 (в пер.).

Монография научного сотрудника Гамбургского института мировой экономики д-ра Й. Цвайнерта удостоена приза Европейского общества истории экономической мысли. Автор, специалист по истории российской экономической мысли, прекрасно владеющий русским языком и хорошо знакомый с архивными источниками, дает в своей книге достаточно полную и сбалансированную картину развития русской экономической мысли в период, когда в нашей стране происходило становление научного экономического анализа.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических факультетов, экономистов, а также всех интересующихся вопросами российской экономики и ее истории.

УДК 330.8(470+571)
ББК 65.02(2Рос)

Научное издание

Цвайнерт Йоахим

История экономической мысли в России
1805—1905

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*
Редактор *Е.А. Рязанцева*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка: *А.В. Плотников*
Корректор *Ф.Н. Морозова*

Отпечатано при содействии ООО «МАКС Пресс»

Подписано в печать 09.11.2007. Формат 70×100 1/16
Гарнитура BalticaC. Усл. печ. л. 33,8. Уч.-изд. л. 29,65
Тираж 1000 экз. Заказ № . Изд. № 947

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0584-7

